

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Алексея Александровича Холикова «Прижизненное полное собрание сочинений как структурно-семантическое единство в творчестве русских писателей (Д.С. Мережковский)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Диссертация Алексея Александровича Холикова посвящена исследованию прижизненного полного собрания сочинений (ППСС) как литературного явления. Уже во «Введении» диссертант подчеркивает недостаточную изученность данного феномена, поскольку ранее в поле зрения ученых находились собрания сочинений в целом, да и то преимущественно в связи с текстологическими проблемами. А.А. Холиков же, по сути, предлагает рассмотреть этот вопрос комплексно и с различных сторон.

Актуальность работы обосновывается также вниманием автора к фигуре Дмитрия Сергеевича Мережковского, чье творчество довольно долго не могло стать объектом изучения в нашей стране, но в настоящий момент активно исследуется. Два его ППСС, по утверждению А.А. Холикова, отличаются высоким уровнем авторского присутствия, что делает их практически идеальными для анализа их системных связей.

Большинство остальных традиционных компонентов «Введения»: цель и задачи, источниковедческая база (ППСС Мережковского и 45 других авторов, отобранные по «формальному принципу»), новизна, теоретическая и практическая значимость – также качественно обоснованы. Возможно, не стоило так скрупулезно прописывать методологическую основу работы, в том числе такие общеизвестные методы, свойственные всем научным трудам, как абстрагирование, объяснение и понимание. Изначально не совсем

понятно, как будет вписано в проблематику работы «исследование феномена популярности Мережковского у современников» (с. 27).

Основная часть диссертации состоит из трех глав. Первые две значительно меньше третьей (72 страницы против 330) и имеют преимущественно теоретико-методологический характер: в них приводится типология полных собраний сочинений и ППСС, основные принципы их изучения, кратко описывается история их издания в XVIII-XX вв. Особое внимание уделяется специфике ППСС, поскольку в его составлении (в отличие от посмертных полных собраний сочинений), как правило, значительную роль играл сам автор. В этом контексте ставится интересная проблема соотношения воли сочинителя и издателя, несовпадения их мотивации при создании нового метаобразования.

Из различных источников А.А. Холиков выявляет список ППСС русских авторов XIX-XX вв., изданных на русском языке (с. 63-68). При их анализе диссертант опирается главным образом на работы В.Е. Хализева, где выделяются три основных аспекта познания словесности: текстология, история литературы и поэтика. С текстологической точки зрения характеризуются тип издания, его состав, степень его полноты, принципы расположения произведений, прилагающийся научно-справочный аппарат и т. д. Здесь уже намечаются те «сцепки», которые обеспечивают целостность ППСС: неавторские статьи критико-биографического характера, автобиографические справки, разного рода комментарии, указатели и т.д.

С историко-литературной точки зрения рассматриваются «причины, побудившие автора или издателя к выпуску ППСС», «процесс подготовки такого издания» и «его место в творчестве автора, литературном процессе и даже эпохе» (с. 83). С позиции же поэтики метаобразование может быть проанализировано как единое литературное произведение, организованное, по мнению А.А. Холикова, по принципу монтажа.

Вместе с тем наряду с другими метатекстами – циклами, авторскими и коллективными журналами, альманахами, сборниками и пр. – ППСС

является «вторичной» системой. Эта идея, конечно, побуждает задуматься о существовании дополнительных, коннотативных смыслов, которые с семиотической точки зрения генерируют переход от первичной знаковой системы к вторичной. Другими словами, *отличается ли восприятие отдельно изданного произведения от его прагматики в рамках ППСС?*

Поначалу кажется, что данная проблема в диссертации не исследуется, однако затем она незримо всплывает на фоне разговора о содержательности формы, при изучении конкретных связей между текстами в ППСС. На уровне поэтики речь идет о таких «сцепках», как персонажи, хронотоп, авторское начало, повторяющиеся темы, мотивы, сюжетные ситуации, образы, просто языковые единицы. Безусловно, плодотворным следует признать обращение А.А. Холикова к «стыкам» и находящимся в них «авторским микротекстам»: названиям произведений и их разделам, эпиграфам, посвящениям, датировкам и пр., а также к оглавлениям.

В результате ППСС, как отмечает диссертант, дает определенное представление о писательском пути и авторской картине мира. Поэтому А.А. Холиков, несмотря на предварительные общие типологические презумпции, справедливо указывает на уникальность каждого подобного метаобразования.

Вторую – гораздо бóльшую – часть диссертации условно можно назвать практической: она посвящена реализации выявленных презумпций на материале ППСС Дмитрия Мережковского. Она разбивается в соответствии с указанным ранее принципом на три раздела, написанных в русле текстологического, историко-литературного и поэтологического подходов. Нужно сказать, что каждый из этих разделов выглядит как самостоятельное исследование того или иного аспекта метаобразования.

Текстологический подход акцентирует наше внимание на различных вариантах текстов Мережковского, демонстрирующих работу автора над своими произведениями. Вначале А.А. Холиков дает критическую оценку существующих исследований в этой области, соглашаясь или не соглашаясь

с ними, уточняя их, дополняя их своими находками. Затем он сопоставляет два ППСС Мережковского, изданные в 1911-1913 гг. и в 1914 г. соответственно. Здесь соискатель демонстрирует довольно скрупулезную работу с источниками, анализирует причины их публикации или непубликации, композицию метаобразований и их справочный аппарат. Несомненно, что данные текстологические исследования будут полезны для последующей издательской деятельности в этой области.

В рамках историко-литературного подхода, в первую очередь, подчеркивается установка писателей «серебряного века» на книготорчество, на составление больших текстовых образований. Закономерно, что здесь актуализируется гипотеза о едином метанарративе в творчестве Мережковского, правда, никаких дополнительных изысканий в этой сфере не производится. В то же время вызывает большой интерес реконструкция истории создания ППСС, описание взаимоотношений писателя с издателями, основанное на различных, в том числе архивных, материалах. Становится отчасти понятно, что популярность Мережковского у современников влияла на его востребованность у издательств. Однако по-прежнему остается вопрос: *«Зачем к этому тезису прикладывать развернутое исследование восприятия фигуры писателя его собратьями по перу, постановочных фотографий и карикатур?»* Эти фрагменты диссертации очень интересны и оригинальны, но, на наш взгляд, не имеют отношения к ППСС.

Осуществление поэтологического подхода начинается с масштабного (опять же даже слишком масштабного) обоснования биографического подхода. Затем подробнейшим образом комментируется «Автобиографическая заметка» Мережковского из ППСС 1914 г. А.А. Холиков не просто поясняет те или иные факты из жизни писателя, но демонстрирует, как они влияли на его произведения. Этот разбор, очевидно, указывает на то, что биография автора является одним из инструментов «скрепления» его текстов в единое целое. Удачным представляется последующее сравнение «Автобиографической заметки» с критико-

биографическим очерком М.А. Лятского, предварявшим ППСС 1911-1913 гг.: эти два текста, естественно, создают два разных образа Мережковского. А.А. Холиков отдает предпочтение сведениям, предоставленным самим автором, и рисует примечательный словесный портрет писателя (с. 330-331).

Вместе с тем жанр комментария отсылает нас, скорее, к текстологии или истории литературы, но не к поэтике. Такие же сомнения возникают относительно следующего участка текста, где А.А. Холиков останавливается на «некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в “Автобиографическую заметку”, но преломились в произведениях» Мережковского (с. 332).

«Подлинный» анализ поэтики ППСС начинается, когда диссертант рассматривает авторское предисловие к изданию 1914 г. Оно предстает одним из ключевых компонентов, концептуально определяющих структуру метаобразования.

Возможно, главной интригой диссертации был вопрос о том, как в контексте своего исследования А.А. Холиков будет работать с поэтикой отдельных произведений, входящих в ППСС. Решение проблемы оказалось довольно-таки оригинальным: соискатель сконцентрировался на характеристике «константных компонентов предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания» (с. 358), другими словами – основных мотивов и образов художественного и нехудожественного наследия Мережковского, вошедшего в ППСС.

Прежде всего, А.А. Холиков выделяет в произведениях писателя две «системы семантических полей» – со значением «пол» и «религия». Первое из них включает в себя оппозиции «плоть – дух» и «мужское – женское», второе – «язычество – христианство», «Христос – Антихрист», «историческая Церковь – грядущая Церковь». Анализ воплощения и осмысления этих пар в текстах Мережковского многогранен, содержателен и выполнен на хорошем уровне, хотя возникает вопрос: *«Почему дихотомия*

“плоть – дух” связывается с понятием “пол”, а не, к примеру, с концептом “человек”?»

Несомненный интерес вызывает и исследование пар персонажей: «отцов – детей», «деятелей – созерцателей», «рационалистов – иррационалистов», – которые часто в произведениях Мережковского приобретают черты «двойников», в том числе внутреннюю амбивалентность. С ними А.А. Холиков связывает такие сквозные образы в творчестве писателя, как Сверхчеловек, Прометей, зверь, Антихрист и др. Персонажи характеризуются также в контексте ситуаций «середины», «завершения» и «начала», которые, по всей видимости, можно воспринимать и в сюжетном, и в психологическом свете.

Таким образом, ППСС Мережковского предстает как целое, скрепляемое сквозными темами и образами. В связи с этим возникает вопрос: *«Существует ли закономерность в распределении данных компонентов по томам ППСС, что позволяло бы говорить об эволюции содержания в этом метаобразовании?»*

Завершается поэтологический раздел кратким анализом заглавий, отсылающих нас к соответствующим семантическим полям, константным образам героев и сюжетным ситуациям. Приводятся также конкретные примеры стыковочных компонентов, прежде всего авторских «сцепок», помещенных Мережковским в началах и концах произведений.

В «Заключении» не только объявляются итоги исследования, но и продолжается рассуждение об особенностях ППСС: о триаде «тезис – антитезис – синтез» как методе философского конструирования, свойственном Мережковскому, о границах между художественным и нехудожественным наследием писателя, о скрепляющем текст хронотопе, об эстетическом восприятии таких отрефлексированных метаобразований и пр.

В конце диссертации располагается приложение с росписью содержания исследованных метатекстов, а также очень обширная

библиография, в которую входят источники, использованные при составлении списка ППСС русских писателей, работы по книговедению и издательской деятельности, по текстологии и о Мережковском. Нельзя не признать ценность этого огромного списка, однако его масштаб и структура, на наш взгляд, не мотивированы, в нем трудно ориентироваться. К примеру, только зарубежные работы почему-то дифференцированы по годам, некоторые статьи и книги вообще не упоминаются непосредственно внутри текста диссертации. То есть вновь хочется спросить: *«Какова логика этого компонента исследования?»* Наверное, объяснения, что должной библиографии по Мережковскому нет, недостаточно.

И все же лучше больше, чем меньше. Подводя итоги, отметим, что сильными сторонами диссертации в целом являются новаторский замысел, междисциплинарный характер, полиаспектность, большой вклад автора в текстологическую, историко-литературную и поэтологическую области мережковсковедения. Практически каждый литературовед найдет в этом исследовании что-то полезное для себя – и текстолог, и историк литературы, и интерпретатор, и мережковсковед, и сторонник биографического, семантического или структурного метода.

Отметим также, что автореферат полностью отражает содержание и структуру диссертации. Может сложиться впечатление, что полученные результаты прошли недостаточную апробацию в научных статьях (их 28, среди них встречаются рецензии на книги), однако они были также изложены в двух монографиях, высокий уровень которых не вызывает сомнений.

Следовательно, несмотря на замечания и вопросы, можно утверждать, что диссертация «Прижизненное полное собрание сочинений как структурно-семантическое единство в творчестве русских писателей (Д.С. Мережковский)» соответствует п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней» и является научно-квалифицированной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение

крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное значение. Это позволяет нам рекомендовать диссертационному совету присудить Алексею Александровичу Холикову ученую степень доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

21.08.2014

*доктор филологических наук, доцент,
профессор Вологодского государственного университета*

Красильников Роман Леонидович

С Край

Адрес: 160022, г. Вологда, ул. Ярославская, д. 33, кв. 279,

тел.: +79115200394, e-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

Доцент Р.Л. Красильников

*Специалист по кадрам
Иванченко В.Б.*

